

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНЦЕВ И ЛАТЫШЕЙ В ВОЛОГОДСКО-ВЯТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 1920-30-Х ГОДАХ

Трушкова И. Ю.

ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет», Россия, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; e-mail; kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru.

В статье анализируются материалы этнографических экспедиций, информация из Опаринского музея, архивов гг. Кирова и Великого Устюга. Анализ этих источников показывает, что политическая история столыпинских переселенцев в вологодско-вятском пограничье в 1920-30-х годах включает темы участия в гражданской войне, опционную кампанию, коллективизацию и раскулачивание. Показаны особенности организации колхозов. Важное значение имели так называемая «коренизация» и культурная революция, включая работу национальных школ. Отмечена роль культа личности И. Сталина и политических репрессий. Выявляются позитивные и негативные влияния политики на этническую идентичность, экономику, быт, изменение видов ментальности и коммуникации. Фиксируется явная и скрытая традиционная основа жизнедеятельности в культуре латышей и эстонцев, созидательная суть и способность воспроизведения этнических общностей, начиная с 1917 года и в основном до Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: столыпинские переселенцы, эстонцы, латыши, вологодско-вятский регион, оптация, коренизация, сельскохозяйственная кооперация, коллективизация.

THE POLITICAL HISTORY'S QUESTIONS OF ESTONIANS AND LATVIANS IN IN VOLOGDA-VYATKA BOUNDARY IN 1920-30S

Trushkova I. Y.

Vyatka State University

The ethnographic expedition materials, information from Oparino museum, Kirov and V. Ustyug are analysed in the article. The Stolypin migrants political history in Vologda-Vyatka boundary during 1920-30s includes the topics of the taking of part in the Civil war, optation campaign, collectivization and “raskulachivanie”. Specific of organization of collective farms are shown. So-called “korenization” and cultural revolution had large importance. These processes included the national schools activity. The role of the cult to personality of I. STALIN and political repressions are noted. The positive and negative influences of politic on ethnic identity, economy, every-day living, change of mentality and communications type are revealed in this paper. Evident and hiding traditional base of vital activity of Estonians and Latvians cultures, creative essence of the ethnic groups, as from 1917 and before Great Patriotic War, are fixed.

Key words: Stolypin migrants, Estonians, Latvians, Vologda-Vyatka region, optation, korenization, agricultural cooperation, collectivization.

Этническая история различных групп населения на протяжении XX века связана с усилением политического фактора, который при конкретной комбинаторике факторов способствовал большей или меньшей трансформации традиционной системы хозяйствования, уклада жизни, ментальности, втягиванию в индустриальную стадию развития. Цель исследования может быть определена как выявление закономерностей этнической истории этнических групп латышей и эстонцев, «столыпинских» переселенцев и их потомков, в условиях радикальных политических перемен в России в первой половине XX века. Для выявления степени влияния на процесс перехода этноса из традиционной формы в индустриальную целесообразно использовать комплекс источников – материалы центральных и региональных архивов, периодическую печать, воспоминания очевидцев, музейные предметы и т.д. Методы исследования характерны для междисциплинарных

исторических и этнографических изысканий; это – исторические сравнения, аннотирование элементов «вещного мира», «включенное наблюдение», опрос, анкетирование, статистические построения и др. Анализ обозначенного материала дает в результате реконструкцию направлений этнополитической истории означенных групп населения и степени влияния ряда факторов на эту историю.

Безусловно, события октября 1917 года повлияли на ход истории в российской провинции. Для местных крестьян они выглядели своеобразным продолжением I Мировой войны. «В самом поселке Опарино жизнь развивалась бурно. По магистральной дороге к Моломе выложили рельсы железной дороги на расстояние 2 км. Работа шла полным ходом. Но в 1914 году началась война и все работы прекратились. Война империалистическая перешла в гражданскую. Войска интервентов наступали с севера от Архангельска в направлении на город Котлас. Многие молодые парни из эстонцев-переселенцев, в том числе и Пауль Парман, пошли добровольцами на фронт. О действиях на фронте мне не приходилось слышать, кроме как Пауль один раз говорил про случай, когда Троцкий, тогдашний Нарком обороны, приезжал к нам в войсковую часть и как «все бегали и боялись этой встречи» [8; С.4]. После военных действий солдаты возвращались домой. «Вернувшись из армии, он (Пауль Парман. – И.Т.), вместе с другими в семье, продолжал расширение площади под посевы и луга, а также постройку хутора. В 1918 году он женился на старшей дочери Яана Варенда – Эмилии. Они стали моими родителями» [8; С.4].

Аналогичная судьба выявляется у латышского парня Августа Суи. Он также был призван на империалистическую войну и в результате революционных изменений и роспуска той воинской части царской армии, где служил, попал в город Вятку. Согласно воспоминаниям, там его остановили латышские красные стрелки из команды В. Азиньша. И еще несколько лет он не мог доехать до дома [3;Л.8]. Так, в результате революционных потрясений происходило не только расширение традиционной территории жизнедеятельности, но и появлялись новые виды общественной коммуникации.

Следующим важным событием, оказывавшим политическое влияние на историю местных переселенцев, стала оптационная кампания. Согласно статьям Договоров между Россией и Эстонией, Латвией и Литвой проживавшие на территории Советской республики лица эстонского, латвийского и литовского происхождения получали право выбора гражданства (оптации) этих государств... В Россию прибыли, получив разрешение, официальные представители буржуазных государств, которые повели настойчивую агитацию, направленную на массовый отъезд трудящихся в Прибалтику [6; С. 23]. В связи с изменением государственной границы эстонцам и латышам, оставшимся в пределах России, можно было переселиться в ставшие независимыми Латвию и Эстонию или остаться в

России. Началась пропаганда против отъезда обратно. Образцы такой агитации использовались и позднее. «Безработица и барский гнет гнали латышского безземельного батрака в другие края. Уже 60 – 70 лет тому назад началось его передвижение вглубь России... в самой Латвии Октябрьская революция застала незначительные массы пролетариата. Строить свою жизнь на основе октябрьских достижений пришлось уже на территории РСФСР» [7; С. 208-209]. «Пять лет революции вооружили трудящихся эстонцев России глубоким опытом и знаниями, которые ими будут использованы как в интересах широких масс эстонцев России, так и находящихся по ту сторону советского государства – в белой Эстонии... эстонские коммунисты, невольно находящиеся на территории РСФСР, протягивая свою братскую руку борющемуся пролетариату Эстонии, могут смело заявить ныне торжествующей там реакции: «Мы еще придем!» [1; С.216].

Серия документов говорит о том, что большая часть прибалтийского населения оставалась на месте своего жительства, в образованной Северо-Двинской губернии. На президиумах губисполкома в течение 1923 года заявители об этом принимались по 2–3 и даже списками по 176, 342 чел. Некоторым заявителям в гражданстве советской России отказывалось [2; Лл. 15, 16, 36, 51]. Результаты оптационной кампании выявили определенное изменение традиционной ментальности, когда часть эстонцев и латышей, переселившихся в вологодско-вятское пограничье по Столыпинской аграрной реформе, в 1920-е годы уже не ощущали тесной связи со своей этнической территорией.

Идеология советской власти еще больше втягивала национальные меньшинства в строительство социализма. В этом вопросе зачастую этнические ценности заменялись классовыми, что наглядно демонстрируется на примере работы, так называемой Эстсекции РКП в регионе и Эстонского отдела при структурах Наркомнаца. Показательно, что систематически на места из Петрограда и Москвы высылались циркуляры о разворачивании партийной работы в районах проживания «нацмен». В ответ на это эстонцы и латыши, жившие в Северо-Двинской губернии, посылали отчеты с довольно специфическим набором общественных мероприятий. Директивы требовали, чтобы идеологическая работа строилась по направлениям: партийное строительство, работа с молодежью, с женщинами, в сфере кооперации и сельскохозяйственной грамотности, в образовании и «культпросветмероприятия». Из отчетов местной эстсекции видно, что главной здесь считалась работа по кооперации и интенсификации сельского хозяйства. Типичны обсуждения и инициативы по покупке новых машин, электрических и электромагнитных установок [5]. Вместо радикальной идеологической деятельности местные жители организовывали спектакли на родном языке, занятия хорового кружка и т.п. Самым «революционным» выглядит рассылаемый из центра, для проведения бесед текст о

положении в Эстонии. В нем говорится о бедственном положении людей, малом числе предприятий, спекуляции торговцев, снижении роли профсоюзов по защите прав трудящихся, гнете немецких баронов и т.д. [4; Лл. 52, 52 об.]. Развитие общественной коммуникации в разворачивавшуюся индустриальную эпоху имело подчас скрытую традиционную основу, как для хозяйственного созидания, так и для духовного, почти общинного сотворчества.

События, связанные с продразверсткой, продналогом и НЭПом, специфично разворачивались в рассматриваемом районе переселения. Партийные отчеты фиксировали недовольство и непонимание завышенных норм сбора с крестьян зерна и т.д. [4; Лл. 76 об.]. Однако в «бесхлебное» время представляются весьма показательными обращения хуторян в партийные структуры с инициативой помочь голодающим Поволжья. Так, например, хозяин с участка № 27 Переселенческой волости Ян Конгас вышел с инициативой приютить какого-нибудь ребенка из Поволжья у себя на хуторе, кормить его и одевать в течение полугода, до полного восстановления сил. Аналогичное заявление написал и Бернارد Кисик, с участка № 1218. При этом он не забывал и о крестьянском воспитании – «желательно, чтобы была девочка лет 12 из крестьянской семьи, умела пасти коров...») [4; Лл. 206, 209, 210]. Показательно, что в голодное время после экономических потрясений революции и гражданской войны, на хуторах в вологодско-вятском пограничье хозяйственная ситуация была достаточно стабильной, позволявшая кормить дополнительных работников, задействованных в уходе за скотом, которого стало так много, что не хватало рабочих рук. Видимо, в экономическом смысле в 1920-е годы местные хутора стали выходить на «проектную мощность», которую планировал П. А. Столыпин. Кое-кто из переселенцев в годы НЭПа открыл рестораны на ст. Опарино, там же работал магазин «Торгсин», торговавший даже арбузами, но за золотые и серебряные царские монеты [8; С. 30].

Экономическая стабильность конца 1920-х – начала 1930-х годов стала изменяться под влиянием политики, связанной с расширением колхозного движения. «В 1932 году осенью созвали общее собрание хуторян. Обсуждался вопрос объединения хозяйств, добровольно, в коллективное хозяйство. Я учился в школе и о ходе собрания узнал от взрослых, от дедушки. Конечно, докладчик из Опарина говорил о выгоде крестьянин работать сообща, о возможности более эффективно применять технику, об облегчении работы, меньше физического труда и тому подобное, о своем будущем.

В колхоз сначала записывались не очень охотно. Из северной группы хуторов первым записался Варент Яан. Как стало известно, из 82 хуторов только 1 хозяин не вступил в колхоз. На сильно его не стали заставлять, полагая, что когда увидит зажиточную жизнь в колхозе, он сам добровольно подаст заявление. После этого несколько лет подряд Пауль

Парман осуждал Яана Варенда за то что, если бы первым не подал пример, то и остальных из северной группы не стали бы заставлять насильно записываться в колхоз... Колхоз назвали «Пунане Пыхьялане». Первоначально все хуторяне хозяйства оставались на местах. Потом по указанию бригадира люди стали выходить на работу сообща, но поскольку хутора стояли друг от друга на незначительном расстоянии, то работа в основном оставалась по-прежнему у своего хутора. Бригадир старался чаще вызывать на уборку, на сенокос, на молотьбу людей группами, вместе. Не всегда это было возможным. В хозяйстве оставляли только одну корову и несколько овец. Остальных коров собирали в бригаде в одном месте. В нашей северной бригаде их собирали в хозяйстве Пармана, и моя мама стала дояркой, т.е. пасти, кормить и доить этих коров. Урожай зерновых и картофеля отвозился в отведенных для хранения местах, откуда по госналогу вывозили в Опарино» [8; С. 28–29].

Из-за завышенных и непродуманных норм обязательной отправки продовольствия из колхоза урожайность снизилась. Началось наступление на зажиточные хозяйства, переселение с хуторов в искусственно созданные деревни. «...Наши дома, как Варенда, так и Пармана находились от центра на расстоянии 4 и 5 км соответственно. Дедушка решил, что перевезти эти дома будет очень сложно, дорого, что он перевезет амбар вместе с летней комнатой, а для жилья лучше купить другой дом. Так и сделали. Общими силами с помощью других перевезли амбар... Несправедливая судьба настигла хозяев далеко отдаленных хуторов, которые должны были оставить собственное добро, нажитое таким большим трудом. Освоив за три десятилетия в дремучем лесу десятки гектаров пашен и лугов, они должны были оставить это на опустошение. А как тяжело было пережить тем семьям, чьи отцы и мужья были арестованы в числе первых. Позже, когда таких семей стало много, люди как-то смирились с такой участью. С судьбой нельзя бороться, ей покоряются.

На новом месте каждой семье было выделено 40 соток гектара. Оставили одну корову, овец, поросенка и кур. Эта земля и послужила кормилицей, ибо от общественного труда почти ничего не получали» [8; С. 43–44]. Чтобы избежать участи колхозника, некоторые хуторяне при ликвидации единоличных хозяйств уходили работать на железную дорогу. Здесь было близко к «механизмам», и не проявлялись проблемы с обобществленными трудом и собственностью. Колхозная политическая эпопея способствовала развитию мимикрии в воспроизводстве элементов этнической культуры. В экономику активно вмешивалась политика. Происходили деструкции традиционной, адаптированной на протяжении многих лет системы хозяйствования и быта.

События культурной революции в рассматриваемой территории запечатлелись основном с политикой «коренизации», с работой эстонских школ, «культпросветработой» [4;

Лл. 68, 69]. Позитивной представляется образовательная и культурная деятельность властей и общественности, особенно на родных языках.

Особая страница в этнополитической истории местных переселенцев в первой половине XX века связана с политическими репрессиями. Первая очередь из них была связана с раскулачиванием. «...И вот в 1937 году программа партии по ликвидации кулачества, как класса, начала осуществляться. Делалось все демократично, с согласия народа. Из района поступил сигнал, что развитию колхозной зажиточности мешают кулаки. Собрали общее собрание и предложили самим подсказать, кого надо выслать, чтобы жить в колхозе стало лучше... Мне в Опарино сообщили, что арестовали отца и еще Яана Мытуса из нашего колхоза. Из другого эстонского колхоза увели тогда Прикмана. Это было начало... Кандидатами назывались Парман Пауль, Мытус Яан и Варенд Яан. Нужны были три человека» [8; С. 38]. Общинная привычка решать вопросы сообща служила неким прикрытием для проведения «раскулачки».

Репрессировали и латышей, в том числе и родственников Суя Юлиуса Яновича; того, кто воевал вместе с латышскими красными стрелками. Впоследствии их реабилитировали [3; С. 11–12].

Поиск «врагов народа» происходил и в рядах тех, кто симпатизировал «буржуазной» Эстонии и их родственников. «Я вспомнил время, когда колхозу вручали от Правительства (или Верховного Союза СССР) на вечное пользование земель столько-то гектаров. После этого прошло несколько лет, а крестьянин не смог взять природного богатства в той мере, чтобы жить нормально. Такая полуголодная жизнь не предвещала ничего в перспективе. Я подумал, что недаром многие покинули хутора, переселились в поселок и устроились, кто как смог. Некоторые, предчувствуя политику ликвидации зажиточных хозяйств в будущем, вообще добились возврата в Эстонию. В частности, Яан Курусон уехал с семьей в Эстонию, а его брата, оставшегося на хуторе, и вступившего в колхоз, арестовали. Он погиб в лагере» [8; С. 47]. Присущая крестьянству расчетливость и конкретность не всегда совпадали с требуемым теперь политиками поведением.

Политика репрессий вписалась в местную историю и следующим образом. «...Я был принят на работу в Опаринский отдел кинофикации 16 мая 1941 года в качестве ученика моториста ... Этим же летом в 1941 году на железнодорожной станции остановились несколько эшелонов с людьми не в пассажирских вагонах. Мне передала Паня Васюткова, что там эшелон с эстонцами. Дом культуры, где показывали кино, был всего в 300 м от станции. Я пошел на перрон, где у вагонов было несколько человек в военной форме. Один из них разговорился со мной. Он спрашивал, откуда здесь эстонцы, давно ли и как живут; сказал, что меня можно сразу отличить от эстонца из Эстонии. Я спросил, как и почему? Он

ответил, что эстонцы в Эстонии носят рубашку, заправленную в брюки, а не навывпуск под поясом. Эшелон вскоре отправился по направлению на Котлас. Только после войны я узнал, что в тех товарных вагонах находились насильственно вывезенные из Эстонии граждане» [8; С. 48–49]. К середине XX века в российском обществе уже подразделялись как две отдельные культурные группы эстонцы, жившие в России, и эстонцы, жившие в пределах своей этнической территории, исторической Родины. Примечательно, что эти этнические общности маркировались не только по ментальности, но и по стереотипам поведения и визуальным признакам.

Поскольку 1930–40-е годы стали расцветом культа личности И. Сталина, то этнополитические сюжеты в истории местных потомков стольпинских переселенцев стали включать такие картины. В самом начале войны киномеханику Акселю приходилось демонстрировать до 7 сеансов в день. «Однажды, демонстрируя фильм в первом отделении госпиталя в помещении Райисполкома, я нечаянно задел кабелем бюст Ленина, и он раскололся. Это нагнало на меня страху. Но, видимо, я выглядел немного простоватым, и после недолгого разговора с комиссаром госпиталя (или политруком), дело было закрыто, и мне разрешили дальше демонстрировать фильмы, так как я был один и за моториста, и за киномеханика. Позже кто-то сказал, что мне еще повезло в том, что разбился бюст Ленина, а не Сталина, но тот стоял в другом углу помещения» [8; С. 50]. Почти комичные оправдания подчас служили прикрытием от наказаний. В сложных ситуациях нового политического строя «этническое» продолжало существовать в естественных и видоизмененных, «простоватых / шутовских» формах.

Таким образом, позитивный результат политического воздействие в первые послереволюционные десятилетия имело на те процессы в этнокультурной истории, направленность которых совпадала с индустриальным развитием (механизация сельского хозяйства, работа на железнодорожной станции, ликвидация неграмотности). Жесткий гнет радикальных политических воздействий («раскулачивание», репрессии «врагов народа» и др.) на конкретную модель этнической культуры заставлял последнюю адаптироваться к усложненным, более аскетичным в чем-то хозяйственным реалиям, мимикрировать в условиях общественных деструкций, активизировать созидательные коллективистские и индивидуальные начала, свойственные этническим культурам, а также находить новые формы дальнейшего существования.

Список литературы

1. Аллерман С. Эстонцы за 5 лет Октябрьской Революции // Жизнь национальностей. Кн. 1, декабрь, 1923. – С., 1925. – С. 212–216.
2. Велико-Устюжский филиал Государственного Архива Вологодской области (ВУФ ГАВО. Ф.43. Оп.1. Ед. хр. 235. – 211 с.
3. Вятский археолого-этнографический архив (ВАЭЭ), Опаринский район, 2012, д. 1. 60 л.
4. Государственный Архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1920, Оп. 1. Ед. хр. 2.
5. Здесь и далее перевод с эстонского языка А. Э. Корб, докт. философии, научного сотрудника Эстонского Литературного музея (г. Тарту, Эстония).
6. Лоткин И. В. Оптационная кампания и эвакуация граждан Прибалтийских государств на историческую Родину в начале 1920-х годов // Вестник Красноярского государственного университета. – Красноярск, 2005. – № 6. Гуманитарные науки. – С. 23–28.
7. Маурдз. Культурные достижения латышей РСФСР // Жизнь национальностей. Кн.1, декабрь, 1923. – М., 1925. – С. 207–209.
8. Парман Аксель. Воспоминания // Фонды Опаринского районного музея. 2002. – 141 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Этнокультурное наследие столыпинских переселенцев (латышей, эстонцев) в Вятском крае»), проект № 12-11-43600.

Рецензенты:

Чагин Георгий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного национально-исследовательского университета, г. Пермь.

Загребин Алексей Егорович, доктор исторических наук, профессор, директор ФГБУН Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, г. Ижевск.